

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ КАК ТЕКСТ

Г.С. Батыгин

От ведущего рубрики

Два года прошло после смерти профессора Геннадия Семеновича Батыгина (1951–2003). Это слишком короткий срок для того, чтобы оценить сделанное им и определить влияние его работ на развитие российской социологии. Но можно точно сказать, что наша рубрика «Современная история российской социологии» – это продолжение некоторых его поисков, суммированных в книге: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и автор предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.

Этим летом вышла в свет коллективная монография: Социальные науки в постсоветской России / Рос. академия наук, Институт социологии; Университет Фрибурга; Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой, Э.М. Свидерски. М.: Академический проект, 2005. Это итог российско-швейцарского проекта «Реструктурирование интеллектуальных элит, социальные науки и изменения в посткоммунистическом дискурсе». Г.С. Батыгин руководил исследованием с российской стороны. В этой книге представлена значительная по размерам (около пяти листов) статья Батыгина «“Социальные ученые” в условиях кризиса: Структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук», содержащая теоретико-эмпирический анализ тематики публикаций, состава авторского корпуса, особенностей дискурса и некоторых других аспектов социальных наук, в том числе – социологии, в СССР и России. «Телескоп» знакомит читателей с вводным разделом этой работы.

Публикация предлагаемых материалов и фотографии Г.С. Батыгина стала возможной благодаря помощи заведующей сектором социологии знания ИС РАН, кандидата философских наук Ларисы Козловой и старшего научного сотрудника того же сектора, кандидата философских наук Наталии Маздумяновой.

Борис Докторов

bdoktorov@worldnet.att.net

Бытование¹ идеи или некоторого примитива (неразложимой семантической единицы) в публичной речи претерпевает периоды эволюционного расцвета, стагнации и исчезновения (коллапса). Эти периоды можно эмпирически проследить в изменении «концептосферы» общества — прежде всего в текстах, визуальных рядах и речевых действиях. Здесь важно не только *что* говорится, но и *как* говорится. Таким образом, социальные науки интерпретируются здесь как текстовая деятельность, осуществляемая в определенной социальной среде.

¹ Многие положения данной работы сформулированы благодаря дискуссиям с Э. Свидерски, который не только детально комментировал различные версии текста, но и во многом задал круг обсуждаемых проблем. Л.А. Козлова неоднократно читала предварительные варианты рукописи и внесла в окончательный текст важные исправления. Некоторые разделы статьи обсуждались на семинаре сектора социологии знания Института социологии РАН. Автор признателен коллегам за критические замечания.

Иногда идея находит для себя благоприятную среду и начинает активно жить и «размножаться», а иногда превращается в окаменелость, и никакие силы не расшевелият ее. Таковы судьбы литературных жанров и стилей, общественных идей, художественных образов, предрассудков и научных тем. Некоторые из них живут долго, но и в этом случае чаще всего используются в качестве оболочек или «ренессансов» для создания и продвижения «нового»². Разумеется, невозможно ни объяснить, ни предсказать жизнеспособность идеи, но можно описать и систематизировать симптомы ее речевого поведения. Было бы упрощением рассматривать «коммунистический» и «посткоммунистический» дискурсы в оценочных терминах и, тем более, обсуждать «крах советского марксизма». В центре нашего внимания — структурные изменения в системе текстового производства социальных и гуманитарных наук независимо от политической истории России. Замысел работы заключается в том, чтобы проследить историческую трансмиссию дискурсивных образцов и возникновение легитимационных кризисов в системе социальных представлений.

В качестве объекта исследования всегда выступает текст как результат работы языковой системы. Однако само различие внутри корпуса научного знания невербализованного компонента, в том числе замысла, дискурсивных техник производства и организации текстов науки, включая бытовую коммуникацию, полемику и институционализированный текст, принимающий форму публикации (сообщения, охраняемого дисциплинарным узусом, приоритетами и авторскими правами), дает возможность прояснить языковую перспективу в социологии знания. В фокусе исследования оказываются схемы действий говорящего, а также языковые единицы, которыми он оперирует по определенным правилам. Проблемой является также перенос когнитивных моделей из одной тематической области в другую, в том числе *qui pro quo*. Языковая компетентность не сводится к знанию морфем, лексем, норм синтаксиса и фонетики. Здесь работают прототипы научных концептов, неэксплицированные представления. Различение концептуальной и языковой картин мира позволяет проблематизировать полноту языковых ресурсов дисциплины и их адекватность концептосфере науки. Достаточно ли оснащена теория языковыми ресурсами, чтобы стать парадигмой? Гипотеза заключается в том, что парадигматизация знания определяется степенью его вербализации: чем более специализирован лексикон дисциплины, «правила соответствия» и область фактофиксирующих предложений, тем сложнее ее институциональная организация и влияние на совокупный научный текст. Иными словами, теория начинает доминировать в научном сообществе только тогда, когда ее текст принимает завершенную структурную форму.

Социальные науки редко рассматривались как автономная текстовая «вселенная». Методом изучения гуманитарии как литературного образца был «вульгарный социологизм» — выведение ее задач из научных и культурных запросов эпохи, идеологии или «быта». В этом случае знание неизбежно редуцируется к субстанции производственных отношений, «власти», «травмы» или иных таин-

² Система восприимчивости результата в гуманитарных науках требует «нового» как фигуративного текстового образца, а не как обнаружения аномалии в предшествующих тематических концептуализациях. Иными словами, текст должен содержать более или менее ясное указание на новизну, выраженную либо в виде внутреннего заглавия, либо стилистически, в виде эпатажа, скандала, неприятия «устаревшего» и «традиционного». Однако разрыв с культурным образцом осуществляется с помощью дискурсивных средств, предписанных опять же культурной системой. «Новый разрыв с прошлым культурно наиболее традиционен как раз тогда, когда он наиболее радикален»². См.: Гройс Б. О новом // Гройс Б. Утопия и обмен. М.: Знак, 1993. С. 115.

ственных сил, образующих настоящую, а не самосознательную, реальность. Ю.М. Лотман прочертил обратную траекторию: от литературы к жизни — и представил все это как «текст» — универсальную объяснительную модель. Отсюда и идея реальности текста, который приводит к возникновению новой реальности, уже внетекстовой: культуре, политике, социальной жизни, в том числе повседневности. Так происходит «олитературирование» социальных наук, политического сознания, идеологий (официальных и повседневных).

Социальные науки представляют собой эпистемическую химеру — соединение сущностно несоединимых феноменов знания: описания реальности как она есть и идеального проекта, не признающего мир в его наличном бытии и стремящегося изменить его в соответствии с художественным идеалом. Этот разрыв между проектом и миром, отчетливо артикулированный романтической традицией, в значительной степени определяет интеллектуальный контекст социальных наук в России, где печатное слово является источником «коллективных представлений», репрезентантом священного³. Результатом конституирования «письма» как формы организации природного и человеческого материала стала реификация социального проекта как вырожденной формы эсхатологии. Социальные науки подчинены здесь задаче социального преобразования⁴ и, соответственно, освобождены от тривиальных «позитивистских» проблематизаций, обнаруживающих значимость в безыскусности факта и тем самым ставящих свое предназначение в зависимость от сопротивления материала. Избавленные от фактичности, социальные науки (равно как и идеологии) выполняют не денотативную функцию (описание реальности), а функцию фигуративную, связанную с производством репрезентаций — превращением внетекстовой реальности в текстовую социальность⁵. Тематическая картография науки в немалой степени определяется включенностью знания в денотативный или фигуративный контекст. Математика, химия, физика описывают мир. Философия, социология, культурология и политическая наука, в меньшей степени филология должны

³ Дж. Шалл называет книгу формой молитвы и пишет о книжной природе знания как универсальном феномене: «Каждый знает, что события жизни уже описаны в книгах и именно из книг заимствуются названия событий». — *Shall J. Books and the intellectual life: We are capable of knowing all things // Vital Speeches of the Day. March, 1. 1999.*

⁴ В этом же ряду можно рассматривать и представленную веховской традицией идею «покаяния» как приписывания интеллигенции сверхзначимой позиции в обществе. Во всяком случае, снижение роли интеллигенции в обществе и сегодня привычно интерпретируется как наступление реакции. Это отмечено А.С. Изгоевым. См.: *Изгоев А.С. Социализм, культура и большевики // Из глубины. М., 1991. С. 362.*

⁵ Проблема заключается в том, где кончается идеология и начинается наука. Идеология, по Мангейму, это маски и оружие. В той степени, в какой идеи «обусловлены» социальным напряжением или социальной принадлежностью, идеологии представляют собой симптом и лекарство. По К. Гирцу, идеология — это структурированная реакция на структурные напряжения социальной роли. Иными словами, идеология — это изложение своего недовольства. Идеология пытается придать смысл непостижимым для нее социальным ситуациям. Условия для появления систематических идеологий создает именно сочетание общественно-психологического напряжения и отсутствия культурных ресурсов, с помощью которых это напряжение можно осмыслить. «Наука, — пишет К. Гирц, — именуется структурой ситуации таким образом, что в именовании заключено отношение незаинтересованности. Ее стиль — сдержанность, сухость, решительная аналитичность; избегая семантических приемов, лучше всего выражающих нравственное чувство, она хочет достичь максимальной интеллектуальной ясности. А идеология именуется структурой ситуации так, что в именовании заключено отношение вовлеченности... Она хочет побудить к действию». См.: *Гирц К. Идеология как культурная система // Новое литературное обозрение. 1998. Т. 29. С. 33.*

выражать личность творца и получать от него свою ценность⁶. Тем самым нормы производства социального знания оказываются интегрированными в инородную идейную среду, а научное сообщество — подчиненным разнонаправленным ценностным векторам: оно должно быть сообществом «социальных ученых» (эта некорректная для русской литературной нормы конструкция в данном случае достаточно точна), задача которых заключается в связывании общезначимых определений реальности для массового сознания, и одновременно исследователей «фактичности», работающих для колледжа. Так приходится служить двум господам.

«Нормальные» науки отличаются от наук социальных и других форм знания (эстетического, повседневного, религиозного) не столько предметным материалом, сколько методом текстообразования. И в том и другом случае создаются текстовые конструкты. Однако конструкт конструкту рознь. Одни конструкты проверяемы и, следовательно, в этом смысле *реальны*, другие являются *вымышленными* (данное обстоятельство может быть открыто задано семантикой конструкта, но может никогда не обнаружиться), третьи принадлежат сфере *воображаемого* (имагинативного)⁷. Наука как форма знания конституирует внетекстовую реальность, точнее, создает специфический вид текста, репрезентирующий внетекстовую реальность, — данные, которые очерчивают область «фактов». Их отличие от высказываний заключается прежде всего в референциальности, то есть возможности универсальной процедурной проверки независимо от «точки зрения» исследователя. Действительно, цифры обладают магическим свойством быть объективными. При этом «данные» всегда могут быть отличены от внетекстовой реальности и оценены параметрами релевантности, надежности и точности. Данные, концепты и связывающие их рассуждения (выводные процедуры) образуют «теорию», преобразующую реальность в текст и таким образом соединяющую в себе «реальное», «вымышленное» и «воображаемое». В результате акта вымыслообразования воображаемое приобретает сущностное свойство реального и обретает непроницаемость социального факта. Действие текста состоит в том, чтобы сделать наглядным взаимодействие вымышленного, реального и имагинарного, создать предпосылки для перекодировки наличного мира для постижения мира неналичного. В. Изер отмечает, что пока системы знания являются организующими формами наличного мира и исполняют свою регулятивную функцию, их принимают за саму реальность и поэтому не замечают. Акт селекции разрушает их заданный порядок, тем самым превращая их в объект наблюдения. Но сама селекция не задана системой, как акт вымыслообразования она обнаруживает интенциональность текста, вводит в текст внетекстовые реальности. В этом отношении совершенно не важны «подлинные» намерения авторов, поскольку различения, которыми они руководствуются, заданы самим текстом.

Вымысел играет существенную роль в производстве научного знания и в деятельности социальных институтов, но литературный вымысел своей вымышленности не скрывает. Соответственно, требуется и определенное отношение к

⁶ Эта концепция развернута в работах Б. Гройса. См.: *Гройс Б. Утопия и обмен*. М.: Знак, 1993. С. 5. Аналогичный взгляд на русскую философию развивает П. Кузнецов: «Философ является своего рода магом, демиургом: из сырого материала жизни он способен сконструировать собственную реальность». См.: *Кузнецов П. Русский Феникс, или Что такое философия в России* // Звезда. 2001. № 5. С. 223.

⁷ *Изер В. Вымыслообразующие акты* / Пер. с нем. Г. Дашевского // Новое литературное обозрение. 2001. № 27. С. 23-40.

тексту как вымыслу. А в социальных науках вымысел приобретает промежуточную форму *точки зрения*, которая есть не что иное, как форма селекции, преодоления границ. Так или иначе, «реальный мир» заключается в скобки — «как если бы» он был вымышленным. Социальные науки отличаются от литературы тем, что сохраняют естественнонаучную установку на существование реального мира. С помощью кантианской конструкции *als ob*⁸ из представления о возможном извлекаются необходимые следствия для реального и указываются направления пересечения границ как основное условие вымыслообразования. Но почему из внетекстовой реальности произведен именно такой отбор — установить невозможно⁹. К. Поппер считал, что область «творчества» в методологии науки не может быть проблематизирована: выбор *als ob* конструктов и новых селекций может быть вызван сновидением, озарением, экстазом, страхом, но ни один из эмоциональных или волевых импульсов не объясняет селекции и способа текстообразования.

Основная трудность текстового анализа социальных и гуманитарных наук в России заключается в их структурной неотграниченности от публичной агенды, представленной в массовой информации, социальной публицистике, политических дебатах, в определенной степени — художественной литературе. Это создает феномен тематически и стилистически контаминированного дискурсивного пространства, где социальные и гуманитарные науки должны быть предварительно вычленены из совокупного текста по некоторым неявным, но значимым критериям. С аналогичной проблемой сталкивается библиограф-систематизатор, обязанный отнести произведение к одному из разделов публикационного потока и руководствующийся, как правило, явными критериями: заглавием произведения, сведениями об ответственности и видом издания, зная, что элементы библиографического описания лишь репрезентируют авторскую речь. Так и проникновение во внутренние пласты совокупного текста гуманитарии часто дает иную картину, чем представленная на авансцене науки.

Погруженная в публичный дискурс научная речь сопротивляется своему растворению в чужеродном идейном составе, иногда ругается, но чаще капсулируется, прячется от давления внешней среды и создает защитные слои и буферные формы взаимодействия с «общественностью». По всей вероятности, этот промежуточный, по природе химерический, слой образует основную массу текста социальной и гуманитарной науки, где находят выражение не столько профессиональные, сколько собственные мысли гуманитариев. Иной вопрос, откуда возникают собственные мысли. Актуальность научной темы, то есть ее способность изменить модели объяснений, заменяется здесь актуальностью общественного интереса, прозрачная доказательность соседствует с эзотеричностью и суггестивностью аргументативных стилей, внутренняя экспертиза вытесняется эффективным продвижением текстового образца на рынок «символических репрезентаций», профессиональная работа уступает место интеллектуальной жизни и свободе самовыражения.

Создаются «элитно-маргинальные» зоны гуманитарной науки, порождающие специфический вид текстообразования, где ключевую роль играют альтерна-

⁸ *Vaihinger H.* The philosophy “As if”: A system of the theoretical, practical and religious fictions of mankind / Transl. by C.K. Ogden. New York, 1932. P. 258.

⁹ *Изер В.* Указ. соч.

тивные образцы теоретизирования и экзальтированного речевого поведения¹⁰. Сформировавшись в 1960–1980-е годы как «андерграунд», или катакомбный (самиздатовский) слой социального знания, внутренне связанный своей борьбой с официальной культурой¹¹, в 1990-е годы этот текст утратил возможность автономного существования и выродился в разновидность «великого отказа», оснащенного концептуальными фантомами «насилия», «травмы», «власти», «деконструкции», репрессированного либидо и т. п. Семантические аналоги «совращения» стали наиболее заметной инновацией в социальных науках переходного периода. Аналогичный параллельный процесс наблюдается и в российской литературе¹². В частности, одной из важных (судьбоносных) дискуссий, открывших период «гласности», была допустимость эротических тем и ненормативной лексики в литературной речи. Фактически задача заключалась в делегитимации привычных селекций нормативного универсума и определений «должного», лежащих в основе социальных порядков и норм литературного (и научного) вкуса. Направления преобразований были определены в рамках литературного процесса 1920-х и 1930-х годов¹³, но в точно таком же виде они были привнесены «докторальной публицистикой» конца 1980-х годов в философию, социологию, экономику, частично в литературоведение и языкознание.

В условиях быстрой переориентации тематического репертуара и смены «иконостаса» хрестоматийных имен происходит и поиск новых образцов и базовых метафор социально-гуманитарного знания. Поскольку институциональная организация науки, моральный контроль «колледжа» и механизмы нормативной регуляции научного воспроизводства (школы, нормы рецензирования, стратификация литературного корпуса, «эффекты Матфея») оказались в значительной степени разрушенными еще при коммунистическом режиме, в 1970–1980-е годы, реструктурирование текстового пространства социальных и гуманитарных наук в определяющей степени стало зависеть от энтузиазма (одержимости) индивидуальных акторов, осваивающих рынок идей примерно так, как осваивается terra incognita. Так возникло множество новых «звездных» имен в библио-

¹⁰ Аналогичная мысль имеется у Бабеля: «В иступлении благородной страсти больше надежды, чем в безрадостных правилах мира». См.: *Бабель И. Ди Грассо // Бабель И. Конармия. Рассказы. Дневники. Публицистика. М.: Правда, 1990. С. 359.* О том же пишет Эрнст Блох в «Принципе надежды». Возможно, на этом фоне создается беллетризованная наука — соединение доказательности и чувствительности.

¹¹ Детальный анализ семантического задания самиздатовской риторики, отображающей риторику коммунистического режима и развертывающейся в одном с ним символическом пространстве, содержится в публикации С.А. Ушакина. См.: *Oushakin S. The terrifying mimicry of Samizdat // Public Culture. No. 13 (2). P. 191-214.*

¹² Изменения литературных образцов могут быть объяснены расположением сил в «поле» борьбы за власть, как это делает М. Берг. Однако это объяснение принадлежит к типу самоподтверждающихся мифологий, поскольку даже отказ от борьбы за власть тоже объясняется как форма борьбы за власть. См.: *Берг М. Литературократия: проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М.: Новое литературное обозрение, 2000.*

¹³ «Основные формулировки метода социалистического реализма были разработаны в весьма сложных и на высоком интеллектуальном уровне проходивших дискуссиях, участники которых очень часто платили за неудачную или несвоевременную формулировку жизнью, что, разумеется, еще более повышало ответственность за каждое сказанное слово. Современному читателю этих дискуссий прежде всего бросается в глаза относительная близость позиций их участников, которые им самим, разумеется, представлялись взаимоисключающими. Эта близость между исходными установками победителей и их жертв заставляет с особой осторожностью относиться к однозначным оппозициям, продиктованным чисто моральной оценкой событий», — пишет Б. Гройс. См.: *Гройс Б. Стиль Сталин // Гройс Б. Утопия и обмен. М.: Знак, 1993. С. 16.*

графических списках социальных и гуманитарных наук постперестроечного периода. Однако и традиционная (профессиональная) наука продолжала свою работу, усилив формирование многослойного текстового пространства — конгломерата тем, речевых стилей, разновидностей успеха, публикационной активности, «трастовых» отношений, стратегий цитирования, включенности в сети научной коммуникации, отношения к публичным институтам, социальных статусов. Иными словами, «республика ученых» приобрела вполне демократический вид, где на фоне перманентного гражданского конфликта идет интенсивный поиск канона, классики, форм солидарности, институциональной поддержки и трансмиссии культурного образца — создается «нормальная наука» и соответствующие институциональные реквизиты профессии.

Если рассматривать вертикальную стратификацию текстового пространства, можно предположить, что его высшие страты маркируют себя противостоянием нормативизму и «свинцовому позитивизму», создают эталон виртуозной интеллектуальной игры, где техника репрезентации материала не выходит за рамки бриколажа, и индивидуализация авторского стиля является условием восприимчивости в сообществе¹⁴. Однако «альтернативная гуманитария» все-таки стремится создать матрицу нормативных образцов и, следовательно, проходит неизбежный для каждого интеллектуального стиля период рутинизации. Поиск этих образцов реализуется, как правило, по схеме масс-коммуникативного воздействия, где исповедь, разоблачение, скандал, сенсация, интеллектуальная (а также светская) жизнь «героя-звезды» являются функциональными эквивалентами восприимчивости (успеха)¹⁵. Процессы структурной дифференциации совокупного текста социальных и гуманитарных наук сопровождаются и соответствующей дифференциацией научного сообщества уже вне модели академической иерархии¹⁶, путем воспроизводства художественного, «интеллектуально-

¹⁴ Просвещение форсировало личностный компонент публичной речи и в этом отношении создало новый, «автороцентристский», стиль письма. По всей вероятности, «автороцентризм» не принадлежит исключительно романтизму, а представляет собой результат перемещения картины мира в область «личного спасения». «Авторство» как призвание «оригинального гения» тесно связано с энтузиастическими движениями, сопряженными с религиозным экстремизмом, презрением к церковным и светским предписаниям, провозглашением интимных, личных отношений с богом. Разумеется, форсируя свое исключительное предназначение в тварном мире, «энтузиасты» не могли удержаться в пределах церковной организации, ритуала и догмы, равно как и светских установлений. У них была «личная религия», основанная на непосредственном откровении и уверенности в своей призванности; они чувствовали в себе силы и призвание к переустройству земного мира в соответствии с идеалом, которым были очарованы. Превращение читателя в активного собеседника автора и соучастника творческого процесса, «сочувственное чтение» и беседа как форма литературной коммуникации являют собой необходимые условия конституирования авторства: типичный для романтической традиции образ «изгнанника», «живая речь», неформальные пространства чтения (кружок, салон, клуб, колледж).

¹⁵ «Дистанцирование от современности как пространства, занятого «другими» («карьеристами») пассивное его переживание и вялое недовольство было характерно для квалифицированного большинства образованных слоев и брежневской, и горбачевской, и ельцинской эпохи». В 1990-е годы новые имена вводятся в отечественную среду на правах скандальных (шумных), но репрезентативных фигур и событий. См.: *Гудков Л., Дубин Б.* Молодые «культурологи» на подступах к современности // Новое литературное обозрение. 2001. № 4 (50). С. 158-159.

¹⁶ При коммунистическом режиме участие символических фигур интеллектуального сообщества (например, Ю.М. Лотмана, А.Я. Гуревича, С.С. Аверинцева, Ю.А. Левады, М.Б. Мамардашвили) в распределении академических статусных позиций исключалось самим нормативным образцом. А в 1990-е годы в списках кандидатов на выборах в Российскую академию наук можно видеть представителей нового, в том числе радикального, интеллектуализма. В этом отношении формы интеграции интеллектуалов в социальную структуру

культурного», образца, включенного в ряд символических репрезентаций, «зрелищ» и инсценировок, в том числе и инсценировок научной деятельности. Одним из маркеров альтернативной интеллектуально-культурной «элитности» в 1990-е годы являлась «признанность на Западе», и сама позиция репрезентанта «западных» ценностей позволяла создать новое измерение социального статуса в российском интеллектуальном сообществе¹⁷. Какие бы внешние различия ни проводились, задача отграничения научного текста от публичного в условиях структурных преобразований институтов воспроизводства знания (сама постановка такой задачи часто отвергается) требует учета семантического задания, стилистики и прагматики текста — его обращенности к «публике» либо профессиональному сообществу — референтной группе *ordo litteratorum*, являющейся гарантом воспроизводства корпоративных ценностей дисциплины. Проблема заключается не в нарушении норм производства знания и «разрушении науки»¹⁸. Даже когда нормы нарушаются, само осознание нарушений поддерживает нормативный порядок. Иная ситуация возникает при создании социально-эпистемических химер, подмене норм, когда научное производство превращается в производство культурное, непредвиденный результат деятельности интеллигенции. Тогда механизм взаимозаменяемости институтов начинает способствовать разрушению нормативного образца. Если так, то диффузность тематического репертуара социальных наук определяется не столько поиском новых идей и концептуальных подходов, сколько неразвитостью академических институтов, отсутствием автономии академического сообщества от внешних форм социальной регуляции и восприимчивости научного результата¹⁹.

значительно трансформировались. Вместе с тем возник и новый слой, отстраненный от научных институтов.

¹⁷ Л.Д. Гудков и Б.В. Дубин замечают, что «Запад» в России становится символическим маркером, метафорой «публичности» и интеллектуальной универсальности. См.: *Гудков Л.Д., Дубин Б.В.* Раздвоение ножа или диалектика желания // Новое литературное обозрение. 2001. № 49.

¹⁸ Л.Д. Гудков и Б.В. Дубин пишут, что снятие цензуры имело двойной эффект: с одной стороны, открылась возможность разработок в ранее недоступных областях и использования новых концептуально-теоретических средств, с другой — стали возможными умозрительные построения, мотивированные идеологическими, антропологическими, социальными, религиозными взглядами и интересами авторов. Резкое ослабление институционального контроля, в том числе корпоративных норм, критики, дискуссии, экспертизы смазало конвенциональные границы между профессиональной деятельностью исследователей и занятиями «эссеистов» или «дилетантов». Авторы делают вывод о двойственности культурной репродукции в России, обусловленной несопоставимостью формальных институтов и повседневности: «специалисты есть, а науки нет». — См.: *Гудков Л.Д., Дубин Б.В.* Раздвоение ножа или диалектика желания. // Новое литературное обозрение. 2001. № 49.

¹⁹ А. Левин связывает независимость научного сообщества с элементами самоорганизации и самоуправления, не санкционированных формально-бюрократическими структурами управления наукой. Форма существования научного сообщества связывается А. Левиным с самоуправляющимися научными ассоциациями, неформальными объединениями, группами давления, политическими фракциями. Исходя из этой посылки, А. Левин считает, что подлинное научное сообщество существовало в России до Октябрьского переворота, а затем было разрушено: «...стагнация советской науки в значительной степени была порождена именно невозможностью ее функционирования по модели гражданского общества». См.: *Левин А.* Наука в России на пути к формированию гражданского общества // *Философские исследования*. 1993. № 4. С. 451. А. Левин считает, что в основе идеологии этих групп лежит установка на дебюрократизацию и демократизацию науки. Однако в 1920-е годы разрушение системы научных и учебных институтов осуществлялось преимущественно не формальными группами, а самоуправляющимися научными и творческими ассоциациями, которые боролись за власть и прерогативу осуществления коммунистического проекта. Это убедительно показано на примере

Воспроизводство литературного образца эпохи включает и соответствующий ему тип чтения. Читатель пересоздает текст, превращает его в факт семиотического обращения и воспризнания (или невоспризнания) в дискурсивном пространстве. В некоторых ситуациях превращение произведения в социальный факт непосредственно не связано с его открытостью и, в частности, институтом «публикации» — как раз неопубликованные (недоступные) произведения могут формировать значимые сегменты текстообразования, в том числе его мифологии: апокрифические зоны и «предания». В советский период такую, отчасти мифологическую, функцию выполняли так называемые «спецхрановские» тексты (которые были широко известны в узком кругу и способствовали фрагментации профессионального сообщества на «посвященных» и «профанов»), а также переложения идей в аллюзивной «эзоповой речи»²⁰. Советским режимом был поставлен уникальный эксперимент по цензурированию желательного и нежелательного чтения, который привел к фантастическому усилению значимости «закрытых» текстов и их точечного воздействия на круг чтения и интеллектуальное сообщество. Несомненно, советское общество (внутри себя) не было государственно-иерархической (административной) системой с навязанной «сверху» монолитной идеологией «марксизма-ленинизма». Формой существования этой системы бы непрекращающийся идейный конфликт и деконструирование легитимационных фантомов²¹.

Репрессивность коммунистической идеологии и раздвоение социальных наук на прогрессивную и консервативную части не объясняют эволюцию коммунистического режима. В частности, нельзя не учитывать, кроме репрессий, и механизм общественного согласия, важной частью которого являются социальные науки²². Как показал Е. Добренко, эстетика социалистического реализма не бы-

истории творческих союзов, а также истории гратификационных учреждений в Советской России.

²⁰ Например, на одной из тартуских конференций по семиотике доклад о поэзии Набокова фигурировал как доклад о некоторых аспектах поэзии Годунова-Чердынцева — всем, кому надо, было понятно.

²¹ Советский дискурс опирается на селекцию прошлого культурного наследия как «прогрессивного» и «реакционного». Соответственно формируется содержание исторических текстов, где, например, гегелевская философия имеет две стороны, а некоторые авторы вообще исключены из рассмотрения. Исключение из «наследия» также представляет собой форму рецепции, обеспечивающую даже более благоприятные условия для понимания, чем рецепция «прогрессивных» идей, поскольку нет необходимости адаптировать их к «актуальным задачам». Даже состояние «запрещенности», в котором оказались многие источники, в конечном счете позволило сохранить их в качестве неиспорченных анклавов. Кроме того, невозможность представить их в качестве актуальных приносила ореол «запрещенности» в саму работу исследователей. Агиография социальных наук не позволяла отклониться от канона, а изучение ряда исторического забвения было связано с меньшими ограничениями. Б. Гройс считает, что сталинский социалистический реализм действительно уничтожил традицию, приняв ее в качестве наследия, тогда как левовцы и рапповцы предпочитали «сжечь Рафаэля», но не превращать его в материал для собственного художественного проекта. Отчетливое размежевание с определенным корпусом текстов и помещение его в «спецхран» либо другой ряд забвения сохраняет его как культурный раритет и возможность прочтения, тогда как ликвидация границы и внесение источника в «писание», «предание», массовую информацию или другой инородный текст почти неизбежно превращает его в палимпсест, где требуется расшифровка, «новое прочтение» и другая археологическая работа. Так, после десятилетий «ленинианы» и бытования десятков ленинских прецедентных текстов в массовом обществоведении обнаружилось, что Ленин как мыслитель требует нового изучения.

²² «Нельзя представить дело так, что была литература и были надзирающие за ней инстанции. Сказать, что советская литература существовала и развивалась в условиях несвободы, значит польстить ей или оклеветать ее. Цензура не вне литературы, а часть ее. Мемуары Лакшина соз-

ла придумана Сталиным, Горьким, Луначарским, а строилась в явном соответствии с социальным заказом: «Народность является поистине основным принципом соцреализма, и эстетическая встреча ее с партийностью составляет действительное эстетическое ядро, главное эстетическое событие соцреализма. Социалистический канон во многом порожден читательским “социальным заказом” и лишь оформлен властью, освящен ею действительно во имя читателя»²³. Массовые репрессии, материальные лишения, бесправие не могли поколебать режим до тех пор, пока они вписывались в легитимационную систему, как пишет Г.Р. Ромашко, пока они имели упорядоченный институциональный облик²⁴. Но когда в относительно благополучные времена легитимационная система режима начала разрушаться и власть заговорила на разных языках, рухнул и режим.

Догма превращается в ересь тогда, когда массовое сознание стремится почувствовать (а не просто провозгласить) идеологический постулат²⁵. Поэтому стремление к искренности было самым разрушительным и гибельным для идеологии феноменом «оттепели», который она не могла не поддерживать в рамках мифа о «партийности» как отсутствия каких-либо скрытых от партии мыслей. В этом отношении коммунистическая идеология похожа на идеологию ранних протестантских движений, где публичное покаяние и открытость личной жизни были основными требованиями посвящения. Внутренняя жизнь, в отличие от жизни общественной, трактовалась как страдание и переживание. Культ романтического героя разделил общественное и личное как черное и белое, лживое и честное. Характерно, что коммунистический идеал презрения к личному благосостоянию и «накопительству» противостоял «лживой» стилистике партийных постановлений²⁶. Официальный сегмент этой деконструкции маркировался непрекращающимся требованием «восстановления ленинских принципов» вплоть до начала 1990-х годов. Но и в посткоммунистическую эпоху воспроизводятся прежние оппозиции социального проекта, истоки которого обнаруживаются не столько в тексте реформированных социальных наук, сколько в ситуации чтения, устремлении и настрое читателя, которые сохраняют механизм культурной селекции. Е. Добренко отмечает реальную мозаичность общества, которое всегда разделено на культурные страты, каждая из которых потребляет «свою» культуру, и эта «своя» культура выполняет множество разных функций — эскапистскую, социализирующую, компенсаторную, информативную, рекреацион-

дают иллюзию, будто существовала независимо развивающаяся литература и противостоящая ей литературная бюрократия. См.: *Хазанов Б.* Левиафан, или Величие советской литературы // Октябрь. 2000. № 1. С. 167.

²³ *Добренко Е.* Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997. С. 124-126.

²⁴ *Ромашко Г.П.* К дискуссии о типах тоталитаризма: Рец. на кн.: *Rejman M.* O kommunistickem totalitarizmu a o tom, co s nim socvisi. Praha, 2000 // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 107-112.

²⁵ *Чердниченко Т.В.* Между «Брежневым» и «Пугачевой»: Типология советской массовой культуры. М.: РИК «Культура», 1993. С. 76.

²⁶ В 1953 году издана книга Д. Бруно «О героическом энтузиазме», где он говорит о двух видах энтузиастов. В одних, как в пустую комнату, входят божественное сознание и дух. Другие энтузиасты действуют не как сосуды и орудия, а как главные мастера и деятели. «Энтузиаст идет ввысь и достигает созерцания и почитания божественной красоты, света и величия; таким образом, от этих видимых вещей он идет к украшению сердца, настолько более превосходного в себе и более почтенного в очищенной душе, насколько оно отдалено от материи и чувства». См.: *Бруно Д.* О героическом энтузиазме / Пер. с итал. Я. Емельянова; Предисл. Э. Егермана. М.: Худ. литература, 1953. С. 52-53, 124.

ную, престижную, эстетическую, эмоциональную и агитационно-мобилизующую²⁷.

Проблема литературного быта была сформулирована в исследованиях ОПОЯЗа и развита в формальной социологии литературы 1920-х годов. Предметом исследования становилось «бытование литературы». Т. Гриц, В. Тренин и М. Никитин предложили концепцию профессионализации писательского труда, подразумевая формирование литературных рынков и приход на смену писателю-дворянину писателя-профессионала. Функциональная цепочка «писатель — издатель — книготорговец — писатель» становится институтом культурного производства, секуляризируя печатное слово²⁸. Литература становится важнейшим институтом поддержки и критики массовых идеологий и политической власти. В 1930-е годы окончательно сформировалась репертуарная политика Советской власти, направленная на рост тиражей и ограничение количества наименований. В 1934 году вышло в свет 3,5 тыс. книг средним тиражом 12,9 тыс. экз., а в 1953 году вышло 4,7 тыс. книг средним тиражом 44,6 тыс. экз.²⁹. Соответственно увеличивается средний объем книги. Е. Добренко пишет о замене точечного текстового производства линейным. Это присуще не только литературе, но и кинематографу, театру, науке, системе расселения. Иными словами, модернизация советского общества была связана с централизацией и этатизацией почти всех сфер общественной жизни, в том числе повседневных идеологий. Хотя книги издавались не для чтения, книга стала предметом активного массового спроса.

Принципиальную роль в воспроизводстве образца социальных наук играют техники рецепции печатного и устного текста, в том числе реферирование, заучивание, фрагментация, цитирование, обсуждение. Формирование массовых образцов в воспроизводстве социального знания находит выражение в феномене «звезд» философской и социологической науки. Образы «звезд» несут на себе выраженный отпечаток массово-коммуникативного стиля, где необходимое требование — эпатаж и экстравагантность. Вероятно, именно здесь есть резон искать структурные разграничения в социальных науках. Дисциплинарные границы не имеют значения в той степени, в какой сохраняется общий стиль. Сама философия рассыпается на стилистически несопоставимые фрагменты. Эта проблема может быть изучена только на косвенном материале — данных о тиражах и читательских запросах, «звездных именах», сетях цитирования, прецедентных текстах. Но наблюдать техники чтения и рецепции практически невозможно.

²⁷ Добренко Е. Указ. соч. С. 8.

²⁸ Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция (книжная лавка А.Ф. Смирдина). М.: Федерация, 1929. С. 272, 275.

²⁹ Добренко Е. Указ. соч. С. 156.